

Хроника социалистического движения в России

1878-1887 гг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
X94

X94 Хроника социалистического движения в России: 1878-1887 гг / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 368 с.

ISBN 978-5-458-40928-5

Официальный отчет.

ISBN 978-5-458-40928-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

скія, постоянно находившіяся въ обостренной борьбѣ, поставлены въ генетическую связь. «Дозволеніе развитія украинской литературы» — прямо-таки тарраско-нада, опровергаемая всѣми извѣстными фактами безпощаднаго и слѣпago преслѣдованія украинскаго слова.

Своеобразно освѣщена дѣятельность товарища прокурора Котляревскаго.

При дознаніяхъ по процессамъ 193, 50 и др. того времени, прокуратура была тогда *plus gendarmes que le gendarme*: она прибѣгала къ пыткамъ, фальсифицировала показанія, для большей терроризаціи общества гноила въ тюрьмахъ свидѣтелей и даже совершенно непричастныхъ къ дѣлу лицъ. Котляревскій именно въ этомъ направленіи дѣлалъ свою служебную карьеру. Для нашего officialнаго историка это — только спасительная «строгость» и «дѣятельность исключительно въ предѣлахъ закона»!

Аранжированное полиціей охотничье побище представлено дальше свободнымъ актомъ народнаго гнѣва по отношенію къ ненавистнымъ для всего общества крамольникамъ. «Народъ восторжествовалъ» — «не скупясь на удары»; одного студента убили: обо всемъ этомъ нашъ историкъ рассказываетъ съ видимымъ восхищеніемъ, смѣнивъ патетически-подавленный тонъ повѣствованія о «жертвѣ» своего долга Котляревскомъ на радостно-возбужденный. Чувства и поступки тогдашней «черной сотни» оказались для него ближе и понятнѣе психологіи и дѣятельности Засуличъ и Осинскихъ...

Героическая эпопея единоборства «Народной воли» съ правительствомъ получила у нашего историка одностороннее освѣщеніе. Онъ сводитъ возникновеніе терроризма только къ разочарованію въ пропагандѣ и своеобразному «сопportunизму», приспособленію къ условіямъ русской жизни и наличнымъ ресурсамъ революціонной дѣятельности (имѣется въ виду сила правительства, опирающагося, будто бы, на общественное мнѣніе и народныя традиции, и слабость революціонныхъ круговъ). Но вѣдь ни для кого не тайна, что красный, революціонный терроръ вызывался бѣлымъ, правительственнымъ, что правительство первое начало пытки и казни, что въ первый періодъ своей дѣятельности «Народная воля» находила себѣ поддержку и средства именно у общества и ввела въ свои ряды многихъ представителей народа (Халтуринъ, Михайловъ и др.). Хорошо извѣстно также и то, что правительство не разъ собиралось капитулировать предъ революціоннымъ движеніемъ, — и сдѣлало бы это, еслибы къ нему на помощь не пришла позорная трусость либеральной буржуазіи, и еслибы бюрократія, для своего спасенія, не втраивала его все дальше и больше въ обоюдоострую политику репрессалій... Чѣмъ все это кончилось, видимъ мы какъ разъ теперь. Скоро мы увидимъ, конечно, и еще большее...

В. К.

Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи.

(1878 — 1887).

Въ силу историческаго развитія своихъ національныхъ принциповъ, благодаря своему географическому положенію, а также этнографическому составу, Россія, какъ особый міръ по своимъ учрежденіямъ и основамъ, на которыхъ покоятся принципы управленія и общественные классы, никогда не знала внутреннихъ революцій, подобныхъ тѣмъ, которыя столь обычны въ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ прогрессъ и передовыя идеи стали способствовать международному сближенію, по мѣрѣ того, какъ западная цивилизація начала глубже проникать въ русское общество, и ея упрочившееся вліяніе стало сказываться какъ въ томъ, что было дѣйствительно важнымъ и полезнымъ, такъ и въ томъ, что представляло ея недостатки и вредныя стороны, — революціонныя идеи мало-по-малу стали находить своихъ приверженцевъ и пропагандистовъ и у насъ. Начало соціалистическаго и антиправительственнаго движенія восходитъ къ эпохѣ 40-хъ годовъ. Оно возникло благодаря утопическимъ идеямъ соціалистовъ этого времени. Впрочемъ, въ тѣ времена для развитія разрушительныхъ идей въ Россіи не было ни подходящей почвы, ни благоприятныхъ условій вообще.

Многіе изъ послѣдователей этихъ идей, не имѣя возможности дѣйствовать на родинѣ вслѣдствіе строгаго правительственнаго режима, эмигрировали за границу. Они основали въ Лондонѣ русскую типографію, которая долгое время одна только и обслуживала дѣятельность новыхъ русскихъ революціонеровъ. Имена Бакунина, Огарева, въ особенности Герцена достаточно извѣстны въ Европѣ; многія изъ ихъ произведеній появились даже на иностранныхъ языкахъ или были переведены на таковыя. Съ 1855 года эти эмигранты образуютъ школу, и доктрины ихъ съ необыкновенною силою распространяются по Россіи, дѣйствуя преимущественно на учащуюся молодежь. Герценъ и Бакунинъ, преимущественно передъ другими, могли бы претендовать на званіе отцовъ революціоннаго движенія въ Россіи. Ученики ихъ въ развитіи соціалистическихъ и анархистскихъ идей зашли далеко за предѣлы, о которыхъ могли мечтать наиболѣе горячія головы основателей русскаго соціализма въ періодъ наибольшаго развитія своей дѣятельности. Начало движенію было дано, идеи распространились, и къ 1861 году можно пріурочить возникновеніе той жестокой войны, которую объявила правительству, народу и русскому обществу незначительная по своему числу группа апостоловъ анархіи. На сцену появились прежде всего нигилизмъ и нигилисты—общество, въ основѣ котораго

лежали идеал отрицанія какой бы то ни было доктрины и полнѣйшій атеизмъ. Ядъ этого ученія проявился прежде всего въ области литературы и публицистики, въ лицѣ главныхъ адептовъ его—Добролюбова, Писарева и Чернышевскаго. Онъ распространился быстро, привлекая новизной и самою напряженностью своей силы, которая проникла въ дѣятельный организмъ общества, до того времени незнакомаго съ революціоннымъ движеніемъ.

Въ 1866 г. произошло покушеніе Каракова на императора Александра II, вызвавшее необыкновенное негодованіе всей Россіи. Императоръ призывалъ все общественные классы и сословія стать на путь порядка, отказаться отъ разрушительныхъ, крайнихъ идей, показать бдительность и строгость; онъ призывалъ къ умиротворенію умовъ и сердецъ. Были произведены очень большія измѣненія въ личномъ составѣ администраціи, какъ высшей, такъ и низшей, послѣ чего наступаетъ періодъ относительнаго спокойствія. Съ 1868 по 1870 г. политическихъ процессовъ вовсе не было; но въ 1871 г. состоялся большой процессъ Нечаева и его сообщниковъ, обвиненныхъ въ заговорѣ, имѣвшемъ большія развѣтвленія. Имъ руководилъ типичнѣйшій и выдающійся по силѣ анархистъ, долго пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ социалистическомъ движеніи.

Приговоръ суда могъ быть исполненъ надъ нимъ только позже, такъ какъ онъ бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ жилъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, пока федеративное правительство не согласилось его выдать.

Съ 1860 года республиканская Швейцарія становится мало-по-малу сборнымъ пунктомъ большого количества русскихъ эмигрантовъ, анархистовъ и революціонеровъ, въ томъ числѣ нѣкотораго количества молодыхъ женщинъ, которыя съ первыхъ шаговъ социалистическаго движенія приняли серьезное и самоотверженное участіе въ дѣятельности анархистовъ.

Пребываніе въ странѣ, которая издѣвна служила мѣстомъ единенія для представителей наиболѣе радикальныхъ политическихъ идей, оказалось удобнымъ и пріятнымъ; здѣсь-то именно начинаютъ подготавливаться заговоры, отсюда отправляются эmissары; Швейцарія, въ особенности Женева и Цюрихъ, становится очагомъ пропаганды, уничтожить который русское правительство было не въ силахъ. Позже, опираясь на бакунинскіе принципы, эмиграція, оказавшаяся безсильной повліять непосредственно на средніе и высшіе классы русскаго общества, прониклась идеей необходимости предпринять широкую социалистическую пропаганду среди протонародья въ большинствѣ губерній; для этой цѣли было набрано довольно значительное число агентовъ, въ томъ числѣ много женщинъ. Предпріятіе было организовано въ большихъ размѣрахъ, и цѣлный легіонъ социалистовъ принялся за это съ такою энергіей и самоотверженіемъ, подобныхъ которымъ не знаетъ ни одна исторія тайнаго общества въ Европѣ.

Кропотливое разслѣдованіе этой пропаганды, которая быстро охватила города и деревни, началось съ факта, который казался нѣбольшимъ второстепенное значеніе, который понемногу далъ въ руки администраціи средства распутать безконечный убогъ социалистическихъ и анархистскихъ махинацій среди протонародья. Около новиннаго мая 1874 года нѣкто Пельконовъ, сапожникъ, по происхожденію финляндецъ, открылъ въ Саратовѣ маленькую мастерскую, которая привлекла вниманіе полицией своимъ поведеніемъ ее жильцовъ; вслѣдствіе этого въ ней были произведены

Результаты обыска и дальнейшего слѣдствіе подтвердили убѣжденіе, что мастерская эта служила мѣстомъ собраній для лицъ, принадлежащихъ къ преступному сообществу, которое имѣло отдѣленія въ большей части мѣстностей Имперіи; въ то же время было найдено необходимымъ объединить точное слѣдствіе по этому дѣлу подъ руководствомъ одного лица. Работа эта была поручена жандармскому генералу Слезкину, подъ общимъ наблюденіемъ прокурора саратовской судебной палаты Ихарева, и разслѣдованіе, продолжавшееся три года, констатировало существованіе огромнаго сообщества, имѣвшаго цѣлью неупроверженіе основъ государственнаго строя.

Идея этой пропаганды появилась въ петербургскихъ кружкахъ нигилистовъ около 1873 г.; она представляла собой какъ бы наслѣдіе агитаціи и пропаганды социалистовъ Долгушина, Натансона и другихъ, дѣло которыхъ уже рассматривалось до этого судомъ, и виновными понесли наказаніе. Многіе изъ членовъ этихъ маленькихъ революціонныхъ кружковъ, будучи оправданы и оставлены на свободѣ, начали съ 1872 года обливаться съ рабочими, главнымъ образомъ фабричными и заводскими, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ; они возбуждали у нихъ недо-вольство существующимъ строемъ и распространяли среди нихъ социалистическія идеи, какъ путемъ бесѣдъ, такъ и при помощи революціонныхъ брошюръ, привезенныхъ изъ-за границы и сочиненныхъ русскими эмигрантами.

До 1873 г. пропаганда большею частью носила случайный и разрозненный характеръ; но съ начала этого года нѣкто Николай Чайковский, членъ натансоновскаго кружка, взялся за объединеніе разрозненныхъ пропагандистовъ, образовалъ новый социалистическій центръ, который носилъ названіе кружка Чайковского («чайковцы») и поддерживалъ постоянныя сношенія съ русскими эмигрантами, проживающими главнымъ образомъ въ Цюрихѣ и другихъ городахъ Швейцаріи. Личныя сношенія, революціонныя брошюры эмигрантовъ, проникавшія въ Россію тайными путями, которые иногда невозможно было прослѣдить, а также пополненіе этого сообщества большимъ числомъ нигилистовъ, пріѣзжающихъ изъ Швейцаріи въ Россію подъ именемъ «цюрихскихъ студентовъ»,—все это очень сильно повліяло на окончательную организацію новаго кружка пропагандистовъ въ С.-Петербургѣ.

До 1873 г. русская эмиграція исповѣдывала вѣру, что достаточно одного «интернаціональнаго общества рабочихъ» для того, чтобы благоденствіе сошло на землю; но съ этого года доктрины ихъ сводятся къ принципу федерализма, основаннаго на коллективизмѣ и мутуализмѣ. Перемена эта была результатомъ совѣщаній 5-го социалистическаго конгресса, имѣвшаго мѣсто въ Гаагѣ въ 1872 г. На этомъ же именно конгрессѣ былъ исключенъ изъ числа членовъ интернаціонала Бакунинъ, за то, что создалъ въ его средѣ тайное общество, послѣ чего онъ основалъ въ Цюрихѣ «Славянскую секцію», которая соединилась съ секціями «Юрской федераціи», не одобренными рѣшеніемъ гаагскаго конгресса, и избрала своимъ девизомъ новую идею «федерализма». По убѣжденію «федералистовъ» цѣль партіи социалистовъ-революціонеровъ должна заключаться въ разрушеніи всѣхъ государствъ, уничтоженіи всего правительственнаго организма и буржуазной цивилизаціи и созданіи новаго порядка вещей, путемъ свободной федераціи производительныхъ общинъ.

Полагая въ основу своей дѣятельности уничтоженіе правительственной власти, эта Славянская секція должна была въ силу послѣдовательности бороться съ великими принципами, на которыхъ покоится политическая и социальная жизнь народовъ: вотъ почему «секція» объявила въ своей программѣ, что она будетъ бороться противъ религіи, собственности и семьи.

Распространяя въ своихъ произведеніяхъ теорію «федерализма», который былъ не болѣе, не менѣе, какъ чистѣйшимъ принципомъ «анархіи», Бакунинъ въ то же время доказывалъ необходимость общей революціи въ Россіи, возстанія всего народа противъ высшей власти.

Принципъ этотъ нашелъ усерднаго приверженца въ журналѣ „Впередъ“, который началъ издавать въ 1878 году эмигрантъ Петръ Лавровъ; онъ отличался только точкой зрѣнія на способъ веденія революціонной пропаганды. Теоріи Лаврова не нравились большинству эмигрантовъ, поскольку онъ требовалъ со стороны пропагандистовъ извѣстнаго запаса научныхъ свѣдѣній. Вскорѣ согласились на среднемъ взглядѣ, изложенномъ въ брошюрѣ одного социалиста, судившагося въ одномъ изъ прежнихъ процессовъ, — Петра Ткачева, который успѣлъ бѣжать изъ ссылки и появился въ это время въ Швейцаріи. Эта брошюра носила названіе: „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“.

Разрушительныя теоріи Бакунина и Ткачева нашли живой откликъ въ петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ, и дѣятельность ихъ съ этого времени приняла направленіе, совершенно согласное съ принципами, выраженными въ ученіи Ткачева, который вполнѣ отрицалъ необходимость создавать себѣ программу будущаго, а требовалъ прежде всего «самой упорной борьбы съ правительствомъ, борьбы съ существующимъ строемъ, борьбы до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія». Въ томъ же направленіи появилась въ это время зажигательная брошюра князя Кропоткина (изъ кружка Чайковского), подъ заглавіемъ: «Нужно-ли заниматься изученіемъ идеальнаго будущаго строя?»

Петербургскіе кружки вскорѣ не только приняли догматическую часть теорій, выработанныхъ въ Швейцаріи, но даже въ организаціи своей дѣятельности слѣдовали наставленіямъ «Славянской секціи».

Организація эта не допускала никакой іерархіи и предоставляла каждому дѣятелю свободу въ выборѣ роли и средствъ пропаганды при полной увѣренности всегда найти взаимную помощь у своихъ товарищей. Ясно, такимъ образомъ, что петербургскіе кружки возникли и формировались подъ вліяніемъ двухъ элементовъ: а) остатковъ старыхъ социалистическихъ сообществъ и б) русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи. Такимъ образомъ, очагъ пропаганды имѣлъ два источника: съ одной стороны, русскіе революціонные кружки, оставшіеся въ странѣ, съ другой — большая социаль-революціонная партія въ Европѣ, партія, къ которой швейцарскіе эмигранты непосредственно примыкали.

Новые социалистическіе кружки, появившіеся въ эту пору въ Петербургѣ, заполнялись главнымъ образомъ молодежью изъ Военно-Медицинской Академіи, Технологическаго Института, а также слушательницами медицинскихъ курсовъ.

Одни изъ нихъ сразу начинали пропаганду среди рабочихъ и вообще трудящагося люда, другіе отдавались сначала практическому изученію народной жизни, народныхъ нуждъ и потребностей. Многіе изъ нихъ, какъ простые рабочіе, при-

нимались за изученіе ремеслъ, иногда грубыхъ, и организовывали мастерскія, чтобы привлечь тула рабочій классъ, въ цѣляхъ болѣе легкаго достиженія цѣли. Пропаганда мало-по-малу распространилась по деревнямъ, среди оставшихся до тѣхъ поръ спокойными крестьянъ, часто при посредствѣ сельскихъ учителей и учительницъ, бывшихъ просто соціалистическими эмиссарами, при помощи бродячихъ мастеровыхъ и т. п., иногда даже при участіи мелкихъ землевладѣльцевъ, которые для этой цѣли селились среди крестьянъ. Всѣ они вѣрно служили идеѣ «хожденія въ народъ» и большого вліянія съ ними, чтобы легче привить ему ядъ своихъ ученій.

На продолженіи трехъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ велось слѣдствіе, оно захватило въ свою сѣть около 2,000 обвиняемыхъ; число это потохъ сократилось, при болѣе строгой системѣ провѣрки степени виновности, до 900 и, наконецъ, до 193, которыми ограничился обвинительный актъ большого процесса, который разбирался въ Сенатѣ съ 18 октября 1877 по 23 января 1878 г. Обвинительный актъ формулировалъ 12 категорій виновныхъ; среди нихъ фигурировали имена, которыя встрѣчались очень часто впоследствии въ дѣлахъ, самыхъ неслыханныхъ и жестокихъ, анархистскаго движенія въ Россіи,—имена Тихомирова, Желябова, Грачевскаго, Квятковскаго, женщинъ—Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, Софьи Перовской и многихъ другихъ. Наказаніе, наложенное судомъ, было нѣкоторымъ обвиняемымъ уменьшено; было принято во вниманіе предварительное заключеніе, болѣе или менѣе продолжительное: многіе даже совсѣмъ были помилованы¹⁾.

¹⁾ См. „Процессъ 193“ и „Процессъ 50“. Изд. В. М. Саблина. М. 1906.

1878.

По окончаніи этого большого процесса, когда главные коноводы смуты и пропаганды были осуждены или сосланы, а помилованные и оправданные отданы подъ строгій полицейскій и административный надзоръ, можно было ожидать наступленія спокойствія; многіе ласкали себя надеждой, что корни зла уничтожены; рассчитывали, что великодушіе правительства, отнеснагося къ осужденнымъ мягко и подвергшаго виновныхъ минимальному по статьямъ закона наказанію, окажетъ вліяніе на умы молодежи, создастъ въ ея средѣ лучшія чувства и привлечетъ ее къ идеѣ порядка и законности. Предположенія эти, однако, были далеки отъ осуществленія, и 1878 годомъ какъ разъ начинается наиболѣе сильный періодъ анархистскаго движенія въ Россіи, періодъ, который продолжался почти пять лѣтъ и внесъ яркую страницу въ революціонныя лѣтописи Европы.

Періодъ этотъ начался преступленіемъ одной нигилистки, по имени Вѣры Засуличъ, сдѣлавшей покушеніе на жизнь петербургскаго градоначальника, генералъ-адъютанта Трепова, который въ то же время исполнялъ обязанности непосредственнаго начальника столичной полиціи. Покушеніе это отличалось какъ своей дерзостью, такъ и своими мотивами и побужденіями.

24 января 1878 года, въ часы пріема, среди лицъ, собравшихся въ залѣ въ ожиданіи генерала, находилась молодая особа, желавшая подать ему весьма скромное и вполнѣ законное по содержанію прошеніе о выдать ей свидѣтельства о благонадежности, необходимаго для поступленія на акушерскіе курсы. Прошеніе было подписано именемъ «Елизаветы Козловой».

Когда генералъ, который былъ уже освѣдомленъ о содержаніи просьбы, такъ какъ эта особа уже являлась одинъ разъ, и онъ общалъ ей свое содѣйствіе, подошелъ къ просительницѣ и сталъ пробѣгать ея бумагу, назвавшая себя Козловой, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ замѣтить, вынула изъ кармана револьверъ выстрѣлила въ упоръ въ генерала Трепова и сильно ранила его. Здоровье послѣдняго долгое время было въ большой опасности, и онъ принужденъ былъ даже отказаться отъ своихъ обязанностей.

Виновница этого безпримѣрнаго по смѣлости покушенія не сдѣлала никакой попытки къ бѣгству. Ее сейчасъ же арестовали, псевдонимъ ея былъ раскрытъ, и констатировано, что эта особа въ дѣйствительности была Вѣра Засуличъ, 28 лѣтъ, дѣвица, извѣстная нигилистка, уже привлекавшаяся въ большомъ нечаевскомъ процессѣ. Ей было воспрещено проживать въ Петербургѣ, и она жила во многихъ провинціальныхъ городахъ (Пенза, Кострома и др.), но мало-по-малу ей удалось въ послѣдствіи получить разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ и поступить на медицинскіе курсы. Она была благороднаго происхожденія и принадлежала къ почтенной семьѣ, что не помѣшало нисколько ни ей, ни ея сестрѣ (извѣстной Никифоровой) принять участіе въ дѣятельности социалистовъ и даже сдѣлаться смѣлой и убѣжденной анархисткой.

Первые вопросы, которые были ей предложены, имѣли свою цѣль выяснить, что побудило ее на это преступленіе. Обвиняемая дала пространное объясненіе, далекое от истины во многих отношеніяхъ. Она ставила свой поступокъ въ связь съ фактомъ, который не имѣлъ лично къ ней никакого отношенія.

6 декабря 1876 года на площади Казанскаго собора въ Петербургѣ собралась группа социалистовъ и анархистовъ, съ красными флагами, призывавшая къ возмущенію противъ правительства; произносились зажигательныя рѣчи. Однимъ словомъ, было организовано нѣчто въ родѣ революціоннаго «pronunciamento», открыто, въ центрѣ столицы. Бунтовщики эти, въ числѣ 36 человекъ, были сейчасъ же разсѣяны полиціей и затѣмъ судимы на точныхъ основаніяхъ закона. Одинъ изъ главныхъ манифестантовъ считался извѣстнымъ социалистомъ и называлъ себя во время процесса и даже послѣ него Боголюбовымъ, хотя позднѣе было открыто, что его настоящая фамилія Емельяновъ и что онъ уроженецъ Донской области. Онъ былъ осужденъ на каторжныя работы съ лишеніемъ правъ, но не подавалъ кассационной жалобы объ отмѣнѣ приговора, который былъ объявленъ 8 апрѣля 1877 года и утвержденъ 8 мая того же года. Съ этого дня Боголюбовъ вошелъ въ разрядъ арестантовъ-каторжниковъ и «ipso facto» подлежалъ дѣйствию тѣхъ статей уложенія о наказаніяхъ, которыя относятся къ самымъ тяжкимъ преступлениямъ. 13 іюня 1877 года, во время инспекторскаго осмотра генераломъ Треповымъ дома предварительнаго заключенія, гдѣ пока находился Боголюбовъ до отправки въ Сибирь, послѣдній позволилъ себѣ въ высшей степени оскорбительное поведеніе по отношенію къ этому представителю высшей администраціи. По точному и ясному смыслу дѣйствующаго закона (статья 807, томъ 14 Св. Зак., «Правила о ссыльных»), каторжники даже за проступки второстепенной важности могутъ быть подвергнуты тѣлесному наказанію розгами въ количествѣ до 100 ударовъ.

Въ виду необходимости примѣнить эти правила при данныхъ обстоятельствахъ и для примѣра остальнымъ арестантамъ, тѣмъ болѣе, что Боголюбовъ нанесъ оскорбленіе въ присутствіи своихъ товарищей по наказанію, генералъ Треповъ приказалъ подвергнуть его тѣлесному наказанію средней степени (25 ударовъ).

Достаточно было этого простого факта, не представляющаго почти никакой важности и, во всякомъ случаѣ, не переходящаго границъ самой строгой законности, чтобы внести возмущеніе въ горячія головы приверженцевъ анархизма; игнорируя законы, они придирались къ малѣйшему акту правительственной строгости, чтобы возбуждать неудовольствіе общества, чтобы приводить новые мотивы для оправданія своихъ недостойныхъ дѣйствій, которыя и безъ того вызвали уже сильную ненависть въ груди русскаго народа. Анархисты стали кричать о тираніи, о пыткахъ инквизиціи, о произволѣ, о тюремныхъ ужасахъ и тайнахъ и т. д.; месть должна была послѣдовать: градоначальникъ долженъ былъ пасть отъ руки мстителя. Эта идея почти годъ волновала кружокъ анархистовъ.

Точно не выяснено, дѣйствительно ли исполненіе убійства было декретировано исполнительнымъ комитетомъ (который въ это время, вѣроятно, не существовалъ, какъ нѣчто организованное и активное), или Вѣра Засуличъ только по личному побужденію рѣшилась совершить покушеніе. По объясненіямъ, даннымъ ею во время процесса, это было дѣломъ ея личной инициативы; но позже въ революціонной брошюрѣ, вышедшей за границей, она утверждала, что была только исполнительницей

приговора революціоннаго трибунала. Во всякомъ случаѣ, это дерзкое преступленіе доставило ей въ средѣ анархистовъ прозвище новой русской «Шарлоты Кордэ».

Правительство нашло нужнымъ примѣнить къ дѣлу о покушеніи Засуличъ обычный порядокъ уголовного процесса; дѣло это разбиралось петербургскимъ окружнымъ судомъ, съ участіемъ защитниковъ и присяжныхъ засѣдателей. Процессъ этотъ былъ какъ бы попыткой, пробнымъ камнемъ для того, чтобы удостовѣриться, не достаточно ли обыкновенныхъ юридическихъ формъ для суда надъ политическими преступниками; старались убѣдить себя въ глубокомъ довѣріи къ прямотѣ присяжныхъ, къ серіозности адвокатуры, благоразумію общества и осторожности юристовъ.

Результаты показали совершенно противоположное: они сдѣлали очевиднымъ, что передовыя идеи, симпатіи къ дѣятельности и личностямъ арестованныхъ и осужденныхъ по политическимъ дѣламъ пустили глубокіе корни даже въ интеллигентномъ и просвѣщенномъ столичномъ обществѣ. Процессъ начался съ большимъ шумомъ; не только зала суда была переполнена, но громадная толпа стояла на улицѣ у зданія суда весь день 31 марта 1878 г. Почти начинающій только адвокатъ Александровъ взялъ на себя защиту обвиняемой; но его защита была скорѣе сплошнымъ обвинительнымъ актомъ, направленнымъ противъ генерала Трепова, противъ главы государства, противъ примѣненія розогъ послѣ отмѣны тѣлеснаго наказанія съ 1863 г. и т. д., чѣмъ защитой кліентки.

Публика выражала одобреніе, прерывала и аплодировала въ то время, какъ продолжался этотъ обвинительный актъ противъ генерала Трепова. Ни предсѣдатель, ни прокуроръ суда не сумѣли остановить этой непозволительной защиты и этихъ скандальныхъ рѣчей, которыя электризовали публику, присяжныхъ и извращали истинныя основанія дѣла. Наступилъ моментъ, когда присяжные появились въ залѣ для произнесенія вердикта: Вѣра Засуличъ была оправдана.

Аплодисменты, крики, шумъ публики, покидавшей залъ засѣданія, и толпы, которая стояла наружи, были завершеніемъ этого небывалаго процесса, который возбудилъ, какъ только слухъ немъ распространился въ столицѣ и провинціи, общее негодованіе среди патріотовъ и вѣроподданныхъ. Все это не кончилось только суетой и криками: уличныя сцены походили на настоящій мятежъ. Вѣра Засуличъ была вынесена съ триумфомъ; съ трудомъ удалось посадить ее въ карету, которая шагомъ подвигалась среди толпы ея поклонниковъ, толпы, которая ревѣла и вступала въ драку съ жандармами и полиціей. Раздались выстрѣлы; однимъ изъ нихъ была убита Рафаилова (нигилистка), другимъ пробита каска у жандарма; нѣкто Григорій Сидорацкій, виновникъ первыхъ двухъ выстрѣловъ, третій—произвелъ въ себя, опасаясь быть арестованнымъ на мѣстѣ; онъ предпочелъ внезапное самоубійство передъ толпой своихъ единомышленниковъ.

Во время этой суеты Вѣра Засуличъ исчезла; она уѣхала за границу и затѣмъ проживала главнымъ образомъ въ Парижѣ и Швейцаріи. Кассационный департаментъ Сената скорѣе отмѣнилъ приговоръ суда присяжныхъ и постановилъ вторичный пересмотръ дѣла; но обвиняемая не появлялась болѣе. Зажигательныя прокламаціи сопровождали какъ покушеніе, такъ и исходъ процесса, который послужилъ началомъ періода террористической дѣятельности русскаго соціализма. Результатъ этотъ осязательно доказалъ правительству, что опасность больше,